

Дарья Донцова

Иявка ГОЛУБЫХ КРОВОЙ

Любительница частного сыска **Даша Васильева**

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Пиявка голубых кровей

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Донцова Д. А.

Пиявка голубых кровей / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2020 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

Что делать, если к тебе в дом врывается сосед, устраивает истерику, рыдает, а потом укладывается спать в комнате для гостей? Сперва Даша Васильева решила, что сосед, Кирилл Габузов, просто болен. Но ситуацию прояснила его жена Вера. Оказывается, их сын Вениамин пропал! И теперь родители в панике! Ведь подросток оставил все свои лекарства дома и обязательно умрет, если не примет их вовремя. Даша решает помочь соседям в поисках мальчика. И тут началось... Леся, сестра пропавшего, по необъяснимой причине изо всех сил мешает Даше; в дом неожиданно принесли гроб; напольные часы напали на Дегтярева и чуть не отрубили ему топором голову... Но для любительницы частного сыска ничего невозможного нет! Она раскроет все тайны странного семейства.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Донцова Д. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дарья Донцова

Пиявка голубых кровей

© Донцова Д. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава 1

– Когда идешь в магазин за новой кружечкой, то непременно увидишь сумку своей мечты и купишь к ней модные сапоги в придачу.

– Ой, – засмеялась продавщица, глядя на молодую женщину, произнесшую эту фразу, – и со мной так всегда. Отправлюсь за свитером для мужа, гляжу, такая кофточка чудесная! Куплю ее, ну надо же еще и юбку приобрести.

Я решила прервать их бессмысленный диалог и спросила:

– Девушка, сколько стоит вон тот прекрасный, оригинальный, потрясающе красивый торшер?

Торговка показала на лампу, которая привлекла мое внимание:

– Это эксклюзивный товар из Лондона в единичном экземпляре, сделан из пород ценного дерева самым сэром Томсоном, дизайнером королевы Англии и президента США!

– Где он стоит? – поинтересовалась покупательница, которая только что рассказывала, как она, идя за чашкой, прихватывает еще много чего другого.

Я подошла к торшеру.

– Вот он. Но первой приобрести раритет решила я.

– Цена потрясающей лампы, которая украсит любой интерьер, вызовет острую зависть всех подруг, доведет свекровь до энуреза, зажжет любовь мужа к вам ярче факела нефтяной скважины, указана здесь, – заявила сотрудница магазина, показывая на абажур, с которого свисала бирка.

– Она моя, – отрезала я.

– Да забирайте это дерьмо себе, – пожалла плечами покупательница, – по мне, так это жуть страшная. И вообще, идиотский магазин, мне ничего тут не надо. Я просто так зашла! От скуки!

Она резко повернулась и убежала. Продавщица села на диван с табличкой: «Продается, просьба не использовать его для отдыха», и всхлипнула.

– Ну вот, опять мимо. Ты перегнула палку. Баба заинтересовалась лампой, а ты, Дарья, возьми да ляпни: «Она моя». Очень определенно сказала! Зло! Прямо не поспоришь.

– Не расстраивайся, Надюша, – пробормотала я, ощущая свою вину, – день только начался. Народ капризный. Твой магазин недавно открылся. Ни один бизнес не приносит доход мигом. Москва не сразу строилась.

Надя вытерла лицо рукавом платья.

– Сейчас март. Мой салон «Лучшие штучки» открылся в ноябре. Клиентов нет. Муж оплачивает аренду помещения, но знаю, что от него скоро услышу: «Дорогая, перестань маяться фигней. Ничего у тебя не получается. Поиграла во владелицу бутика, и хватит. Рожай четвертого ребенка, занимайся домом, уезжай на лето в наш особняк в Испании и живи там спокойно».

Надя заплакала.

– Не хочу еще одного сына! Я не инкубатор. Между прочим, у меня есть образование. Маша твоя – владелица ветеринарной клиники, у нее только одна Дусенька. У Саши Хейфец трое детей, но она подняла свой успешный бизнес. Вероника не замужем, однако владеет радиостанцией. Все мои одноклассники крутые! А я? Жена богатого мужа! Вечно беременная! Я тоже хочу свое дело иметь.

– Многие твои знакомые дамы с восторгом поменяются с тобой местами, – попыталась я вразумить Надюшу.

– Да? – воскликнула Орлова. – Ника, например! Бросит свое радио и начнет в роддом, как на работу, ходить?

– Наверяд ли, – честно ответила я, – но Барабанова не типичный пример, она умная...

– Супер! – перебила меня Надя. – Дальше не продолжай. Главное ты уже сказала. Вероника никогда не окажется в моем положении, потому что она не глупа. Делаю вывод: я дура!

Я стала оправдываться:

– Я этого не говорила.

Надюша встала с дивана.

– Маша пообещала, что ты, ее мать, точно мне поможешь. И каков результат? Сегодня пришла покупательница, и ты ее спугнула!

Я растерялась. Надюша, одноклассница Маруси, ее близкая подруга, росла в малообеспеченной семье, и, в отличие от Маши, которая в детстве никогда не переживала по поводу отсутствия роскошных нарядов, Орлова всегда мечтала войти в лучший магазин и купить там все, что увидит. Надя добрая девочка, она понимала, что одинокая мама не может приобрести ей красивую шубку, поэтому безропотно бегала в дешевом пуховике. Когда девочка подросла и ее стали приглашать на свидания, на самые ответственные она брала наряды у Маруси. Орлова не гнушалась никакой работой, став студенткой, нанялась мыть полы в дорогом медцентре. Работала Наденька старательно, никогда не грубила вредным пациентам, которые шипели ей: «Мы за больничным явились, а нам в ноги тряпкой тычут». Надя молчала, она очень боялась, что ее выгонят. Держать эмоции в узде ей помогала мечта. Приводя в порядок полы, Орлова представляла, как ей повысят зарплату. И добрый Боженька решил наградить Золушку. Один раз Надя случайно пролила воду из ведра на ноги одного посетителя. Мужчина только ойкнул, а вот администратор на ресепшен испугался, что клиент более не появится в клинике, где служат косорукие уборщицы, и заорал:

– Эй, швабра, ты уволена!

– Простите, это случайно получилось, – залепетала Надя, – не выгоняйте, мне очень деньги нужны. Больше это не повторится.

– Тряпка, пошла вон, – приказал молодой человек.

Надя молча взяла ведро и направилась в сторону двери с табличкой «Служебное помещение».

– Не надейся, что заплатим тебе за этот месяц, – не успокаивался администратор, – испортила уважаемому человеку брюки.

И тут посетитель, который молча наблюдал за происходящим, остановил Надю, посмотрел на нее и через пару мгновений неожиданно сказал:

– Девушка, мне нужен помощник секретаря, я готов оформить вас на эту должность.

Вот так в одночасье судьба Орловой совершила крутой поворот и забросила ее на вершину золотой горы. Спустя годы Надя спросила у мужа:

– Почему ты решил взять меня к себе в офис?

– Ты не грубила администратору, не скандалила, – пояснил супруг, – испугалась, когда случайно пролила воду, вежливо извинилась, не стала плакать, рассказывать о нищете, просто попросила тебя не увольнять. Но когда парень в грубой форме отказал тебе, ты не стала хамить в ответ, не швырнула тряпку, молча пошла к двери. Мне стало неудобно, девочку-то выгнали ни за что, просто побоялись потерять богатого клиента. Я тебя остановил, хотел дать денег и вдруг понял – вижу красавицу с очень добрыми глазами. Я тебя сразу полюбил. В один миг.

Андрей Валентинович не прогадал, Надя и впрямь очень хороший человек. Она нежно относится к мужу, родила трех мальчиков. Все шло хорошо до прошлого года, когда школа, в которой училась Маруся, отмечала юбилей и весь класс явился на торжество в полном составе. Классная руководительница попросила каждого ученика рассказать о том, чем он сейчас занимается. Все оказались успешными, одни имели свое дело, другие защитили диссертации, третьи работали топ-менеджерами.

– У меня трое детей, – тихо произнесла Надя, которая встала последней, – я нигде не работаю, сижу на шее у мужа.

Все начали аплодировать, восхищаясь Орловой. Но Надя не поверила овациям, она решила, что ее просто утешают. Домой она вернулась в слезах. Супруг испугался, но, узнав в чем дело, рассмеялся:

– С чего ты взяла, что тебя жалеют? Одни твои одноклассницы искренне восторгались. Родить троих – подвиг. Другие – просто позавидовали, небось сами хотят воспитывать много детей, но им приходится пахать за копейки.

Но Надюша впала в уныние. Через месяц Андрей предложил жене:

– Решай, чем хочешь заниматься, помогу тебе финансово.

– Открою магазин оригинальных товаров, – обрадовалась Надя. – Я видела такой в Лондоне. Помнишь, мы туда вместе заходили? Кривые чашки, подушки в виде животных, забавные скатерти.

– Ага, – хмыкнул супруг, – всякая фигня, это неприбыльный бизнес.

– В той лавке было не протолкнуться, – возразила Надя.

Андрей потратил весь вечер, объясняя супруге, что необходимо составить план, определить, на какого клиента работаешь. Лавчонка в Лондоне открыта в сердце туристического района. Там много приезжих, они в качестве сувениров любую ерунду домой тащат.

– Ну, представь, что на Красной площади стоит ларек с чашками, на которых изображен Кремль, – говорил муж, – да еще по цене двадцать рублей. Их мигом расхватают. Но если такая лавка находится на третьем этаже молла в спальном районе, то кто туда пойдет?

Но Надя уперлась.

– Не собираюсь работать с сувенирами. Прикольные подарки – это мой бизнес, значит, я должна решать, как и чем заниматься.

Супруг сдался, Надя получила лавку.

Вчера она приехала в Ложкино, два часа рыдала у нас в гостиной, потом сообщила правду: она с момента открытия магазина не смогла ничего продать. И у Маши родилась идея:

– Мусик! Помоги Надюшке. Пойди завтра в ее магазин, когда кто-нибудь войдет, сделай вид, что покупаешь товар. У посетителя сработает стадное чувство, он увидит, как хорошо одетая дама восхищается ерундой, и тоже что-то купит.

Мне эта идея не показалась здоровой. Но тут Орлова молитвенно сложила руки.

– Дашенька! Помоги! Умоляю! Маруся гениально придумала!

Сегодня я приехала в торговый центр, но, увы, пока ничего у меня не получилось.

– Что делать? – плакала Надюша.

– Лично мне торшер очень нравится, – воскликнула я, – покупаю!

– Нет! – подпрыгнула Орлова. – Мне не нужна твоя жалость.

– Но светильник мне правда подходит, – не сдалась я, – поставлю его в гостиной, он очень оригинальный. Голая женщина, голова у нее в абажуре. Просто восторг!

– Никогда! Можешь кофе принести? Не хочу с зареванной мордой выходить из бутика, – попросила Надя.

– Конечно, – сказала я, – через пять минут принесу. Извини, не понимаю, почему я не могу приобрести то, что хочу.

Ноги вынесли меня в коридор, я поднялась на лифте в зону ресторанов и увидела за столиком женщину, которая недавно была в бутике Орловой...

И тут мне в голову пришла замечательная мысль. Я кинулась к незнакомке и быстро заговорила:

– Мы с вами только что столкнулись в магазине...

Глава 2

– Поняла, – кивнула женщина, пряча в кошелек купюры, – меня зовут Алиса.

– Даша, – представилась я, – пошли в бутик. Только не входите вместе со мной в зал. Сначала я отдам Наде кофе, потом появитесь вы. Поставленная задача вам ясна?

– Очень хорошо, – улыбнулась Алиса, – не волнуйтесь, я занималась в студенческом театре. А сумма, которой обогатился мой кошелек, вдохновляет на исполнение любой роли.

Я взяла картонный стакан с капучино, вернулась в лавку и затараторила:

– Главное, никогда, ни при каких обстоятельствах не отчаиваться. Тьма всегда сгущается перед рассветом.

И тут в зале появилась Алиса со словами:

– Я решила вернуться, торшер получше рассмотреть.

– Он мой, – возразила я.

– Придется уступить, – нахмурилась «актриса».

– С какой стати? – фыркнула я. – Я первая пришла.

– Вы интеллигентная женщина, – засверкала улыбкой Алиса.

По сценарию, который на ходу придумала я, после этих слов мне следовало уступить и замолчать. Алисе же предписывалось идти к кассе. Но события стали развиваться иначе. Я хотела сказать: «Хорошо, покупайте торшер», открыла рот, произнесла:

– Хо...

И тут Алиса схватила с дивана подушку и с воплем:

– Он мой! – кинулась на меня и начала лупить вашу покорную слугу подушкой.

В первую секунду я опешила, потом юркнула под стол, но Алиса ухитрилась и там стукнуть меня.

– Эй, оставьте Дарью в покое! – завопила Надя.

– Немедленно продайте мне этот чудесный торшер, – распорядилась нанятая мной «актриса», – иначе я не уйду.

– Оплачивайте и забирайте, – обрадовалась подруга Маруси.

Алиса в последний раз треснула меня подушкой и направилась к кассе.

Я подождала, когда акт купли-продажи завершится, проследила взглядом за сумасшедшей дамочкой, и как только та наконец покинула лавку, вылезла из-под ненадежного укрытия, бормоча себе под нос:

– Ну и ну! Она начала драться!

– Да, – в полном восторге согласилась Надюша, – поколотила тебя! Ура! Бизнес пошел!

В лавке произошла драка за товар.

Подпрыгивая от радости, Надя схватила телефон и закричала:

– Папочка! Торшер! Большой. Продался! Да, да, тот самый, где «нога» – голая женщина. Из головы у нее лампочка под абажуром торчит.

Очевидно, в пылу неумемного восторга Надежда случайно нажала на кнопку громкой связи, и я услышала удивленный голос Андрея:

– Кто ж этот ужас приобрел? Слепой кот Базилио?

– Баба, – пояснила жена, – ой, не поверишь, она подралась. За торшерчик!

– Покупательница на тебя напала? – испугался Андрей. – Я так и подумал, что она сумасшедшая. Немедленно закрой лавку, иди в комнату отдыха. Сейчас я приеду.

– Нет, нет, – зачастила Надя, – тетка отлупила... э... э...

Я хихикнула. Интересно, как Орлова выкрутится? Она не может сказать правду. Андрей сразу спросит, что я делаю в лавке его жены.

– ...другую посетительницу, – выкрутилась Надюша, – обе хотели эту напольную лампу купить. И дверь запирасть я не стану. Ой! Ко мне еще идут. Чмоки, папочка, прости, больше говорить не могу, бизнес зовет!

Подружка Маши засунула трубку в карман и ринулась к пожилой паре, которая секунду назад появилась в лавке.

– Девушка, – нараспев произнесла старушка, – у вас есть нечто тяжелое?

Надя растерялась.

– Простите, не поняла.

– Девушка, нам надо тяжелое, – повторила благообразная бабуля и показала на старичка, который держался от нее на расстоянии.

– Его сестра преподнесла мне от всей души подарок. Вазу высотой и толщиной с Кутафью башню. Выкинуть ее невозможно. В нашу квартиру презент вносили грузчики. Тэпэрь я хочу отдариться тоже привлекательной вэщью. Лучшэ чугунной!

– Есть сундук и скульптура, – задумчиво протянула Надя.

– Покажите, милая, – обрадовалась бабуля.

Надя подвела ее к товару.

– Прэлэстно! – восхитилась старушка. – Макар Сэргеевич, бэрем обэ вэщи!

– Анечка, одной хватит, – заикнулся дедок.

– Ну, нэт, – отрезала жена, – отдарок должен быть дорожэ подарка. Обэ! Зови Стэпана, пусть нэсет в машину. А ты плати!

Дедуля потрусил к кассе, его жена улыбнулась.

Лицо Нади стало красным.

– Сто тысяч, – пролепетала она, – вы выбрали самые дорогие, эксклюзивные...

– Дэточка, – перебила ее бабуля, – когда вам стукнэт дэвяносто, вы сообразите: нэт ничэго лучшэ, чэм сдэлать отдарок за подарок сэстрэ мужа, с которым сэмьдесят лэт рядом. Супруг рядом и сестра его рядом! Вот свэкровь ужэ, хвала Господу, нэ рядом!

Стараясь не расхохотаться, я попятилась к двери и очутилась в коридоре. Надеюсь, сегодня больше покупатели не появятся, а то Надя испытает слишком сильный стресс. Тихо посмеиваясь, я спустилась на первый этаж и у выхода увидела Алису. Рядом с ней громоздился безумный торшер.

– Ну, наконец-то! – воскликнула она. – Еле вас дождалась!

– Зачем вы меня караулили? – поинтересовалась я, на всякий случай держась подальше.

– Забирайте свою лампу, – приказала Алиса.

И только сейчас я сообразила, в какую ситуацию попала, попросив незнакомую женщину изобразить покупательницу.

Алиса помахала мне рукой.

– Ну, я пошла!

– С удовольствием подарю вам торшерчик, – опомнилась я, – он такой оригинальный.

– Нет уж, сами с этим ужасом живите, – ответила Алиса. – Кстати, как я справилась с вашим заданием?

– Прекрасно, – вздохнула я, – но использование подушки в сценарии автор не предусматривал.

– Импровизация на сцене всегда приветствуется, – отрезала собеседница и удалилась.

Я осталась возле торшера. Люди, которые проходили мимо, обозревали голую женщину-подставку и хохотали. Я позвонила мужу и сказала:

– Милый...

– У тебя опять эвакуировали машину? – спросил мой профессор.

– Нет, она в подземном паркинге, – ответила я. – Понимаешь, я нахожусь в магазине...

– И что купила? – спросил Маневин.

– Торшер, – ответила я.

– Что? – переспросил муж.

– Торшер. Такая лампа на одной ноге, – объяснила я.

– Мое удивление относилось к факту приобретения торшера, – пояснил Феликс, – если не ошибаюсь, их у нас в доме полным-полно.

– Пожалуйста, заberi меня отсюда, – взмолилась я.

– Уже еду, – ответил Маневин, не задавая более никаких вопросов.

Муж появился где-то через час и не смог удержать возгласа:

– Ух ты! Ошеломительная красота! Думаю, эту покупку лучше поставить в комнате

Нины.

Я вообще не хотела вносить в дом сию жуть и удивилась:

– Почему?

– Я слышал, как домработница заказывала в онлайн-аптеке капли от запора, – с самым серьезным видом пояснил Феликс, – творение рук неизвестного камнереза позволит Нине сэкономить. С такой вещью слабительное ей никогда не понадобится. Утром проснется, глянет на сей изыск, и готово, понесется в туалет. Спонтанное освобождение кишечника при виде чего-то страшного, непонятного – атавизм, который сохранился с первобытных времен. Наши пращуры при виде врага, крупного зверя или непонятно кого спешили удрать, а бежать быстрее нелегко.

Я поняла, что Феликс развеселился до упаду, и спросила:

– Где твоя машина?

– Во дворе, – отрапортовал Маневин и поднял чудовищный торшер. – Как назовем твое приобретение?

– Я не покупала это чудовище, – вздохнула я.

– Оно само к тебе пристало? – сохраняя серьезный вид, осведомился Феликс. – Навязалось в гости?

– Сейчас объясню, – пробормотала я, – честное слово, я хотела как лучше.

– Есть фразы, которые пугают мужчину независимо от его возраста, образования и профессии, – сказал Феликс, – например: «Нам надо серьезно поговорить». «Честное слово, я хотела, как лучше» тоже из этого списка. Рассказывай.

Глава 3

На следующий день меня разбудил крик. Я села в кровати и посмотрела на будильник. Восемь.

– Она умерла! – неслось из-за двери.

Я вскочила, накинула халат, выбежала из спальни и помчалась вниз по лестнице под сопровождение вопля.

– Зовите врача! Скорей! Она мертвая!

– Что случилось? – спросила Маша и через секунду начала хохотать.

– Нина, успокойся!

Я вошла в гостиную, увидела нашу домработницу, а заодно и няню Дусеньки, и Марусю, которая продолжала смеяться.

– Мусик, – сказала она, показывая на диван, – как тебе это?

Я перевела взгляд на подушки и вздрогнула. Там лежала женщина с закрытыми глазами.

– Откуда она взялась? – спросил Юра, тоже появляясь в комнате.

– Умерла, – пролепетала Нина, – у нее из макушки торчит электрическая лампочка, кто ее туда воткнул!

Я всмотрелась в фигуру.

– Это же торшер!

– Кто? – попятилась Нина.

– Даша купила напольную лампу, – начал объяснять Феликс, – я не знал, где она хочет ее установить, поэтому положил на диван. Абажур мешал устроить девушку с комфортом, поэтому я снял его, а лампочку не вывернул.

– Фу-у, – выдохнула Нина, – торшер невероятно похож на живого человека.

– Сей предмет интерьера сопровождает книжечка с детальным описанием прибора, – продолжал Маневин, – сейчас расскажу вам...

Я постаралась сохранить невозмутимое выражение лица. Ответьте честно: приобретая бытовую технику, вы внимательно читаете многостраничные инструкции, которые к ней прилагаются? Или просто втыкаете штепсель в розетку, потом нажимаете на кнопку «вкл.»? Лично я поступаю именно так. Руководство по эксплуатации я открываю в двух случаях: когда техника, несмотря на многократное тыкание пальцем в пупочку с надписью «вкл.», не желает работать или когда прибор внезапно перестает функционировать. Все мои подруги поступают так же. А вот Феликс, распаковав покупку, сначала штудирует описание, иногда он комментирует инструкцию. Месяц назад я приобрела новый фен и услышала, как муж бормочет:

– «Если бросить электроприбор на пол, то он перестанет сушить волосы». Ну надо ж! Весьма полезная информация. Если меня швырнуть на паркет, я потом тоже не испытаю желания обдуть кого-либо горячим воздухом.

Зачем погружаться в инструкцию, если там написано то, о чем ты знаешь? Спросите профессора Маневина. Похоже, Феликс собрался прочесть нам правила эксплуатации ужасной лампы. Но ему помешал мужчина лет пятидесяти, который неожиданно появился в нашей гостиной.

– Мой сын здесь? – крикнул он.

Все повернулись в сторону незнакомца и хором произнесли:

– Здравствуйте.

– Мой сын здесь? – повторил неожиданный гость и добавил: – У вас дверь открыта.

– Я погуляла с собаками и тщательно закрыла створку, – тут же оправдалась Нина.

– Наверное, Дегтярев отправился в офис, – предположила я, – он всегда забывает захлопнуть дверь.

– Эй, вы не слышали мой вопрос? – начал злиться незнакомец.

– К сожалению, мы не знакомы ни с вашим ребенком, ни с вами, – вежливо ответил Феликс.

– Вы кто? – осведомилась я.

– Я? – удивился мужчина. – Это я!

– Как вас зовут? – уточнила Маша. – Почему вы ищете мальчика у нас?

– Кирилл Анатольевич, – представился незнакомец, – мы с женой некоторое время назад сняли дом номер двенадцать, он находится неподалеку. Здесь есть собаки?

– Да, – кивнула я, – их несколько. Не бойтесь, они мирные. Ребята, вы где? Хуч!

Мопс, мирно лежавший в кресле, поднял голову и со вкусом зевнул. Здоровенный круглый пуфик около окна развернулся, у него появились хвост и лапы. Потом пуф встал и оказался Афиной. Из кухни раздался звон.

– Мафи! – ахнула Нина и ринулась на звук.

– Ужас, у него аллергия! Случится отек Квинке! Необходимо срочно найти сына, – без передышки выпалил Кирилл.

– У вашего мальчика резкая реакция на собачью шерсть, кожные частицы или корм? – перечислила Маруся.

– У Вени золотуха на все, – отмахнулся Кирилл, подошел к креслу и упал в него.

– Сил больше нет! Я не принадлежу к породе безответственных мужиков, которые бросают жену с проблемным ребенком, говоря: «Сама родила уродца, сама его и воспитывай, ты точно налево сбегала, у меня не может появиться больной наследник». Я всегда поддерживаю супругу. Но сегодня настал предел моему терпению.

Гость закрыл лицо ладонью.

– Мы не живем, а находимся в состоянии вечной войны. Ищем все новые и новые лекарства, врачей. И с одним-то нестандартным ребенком тяжело, а с двумя и вовсе ад.

– Простите, мы недавно проснулись, – осторожно сказала я, – даже чай-кофе попить не успели. Посторонних в доме нет. Почему вы решили, что ваш сын находится у нас?

– Собаки, – ответил Кирилл, – Веня с раннего детства мечтает о псе. Но аллергия! У нас животных нет, а у вас есть. Когда Вера гуляет с детьми по поселку, они подходят к забору вашего участка, ждут, что собаки выйдут. Вчера вечером Вениамин отказался глотать таблетки, нагрубил матери. Пришлось ему делать укол, применить силу. Когда мы закончили введение препарата, Веня закричал:

– Ненавижу вас, уйду навсегда.

Я очень устал после рабочего дня и драки с вредным мальчишкой, поэтому не сдержался, воскликнул:

– Отлично, катись на все четыре стороны. Вопрос: куда ты отправишься? Кому нужен насквозь больной, грубый, злой шестнадцатилетний подросток?

Вера меня за руку дернула, но в меня словно бес вселился! Я сказал Вениамину все, что про него думаю, открыл дверь и велел:

– Вперед.

Понятное дело, он никуда не пошел. Ночь была. А сегодня его нет в комнате.

Кирилл зарыдал. Вид плачущего мужчины изумил нас, все засуетились. Маруся кинулась к серванту, где хранилась аптечка. Маневин принес стакан воды, Нина помчалась варить кофе, Юра приволок коробку конфет, а я села рядом с гостем и молча стала гладить его по голове.

Минут через десять, выпив успокаивающие капли, которые готовит мадам Леро, владельца аптеки возле нашего дома в Париже, Кирилл вытер лицо салфетками.

– Мусик, – зашептала мне на ухо Манюня, – я останусь с беднягой, похоже, у него совсем нервы сдали. Юрец побежал в офис детективного агентства, вдруг мальчик зашел туда и спрятался.

– Там же Дегтярев, – тоже тихо ответила я.

– Ну и что? – сказала Маруся. – Парень небось шмыгнул в туалет и сидит там. Нина обойдет участок, гараж. А ты сходи к жене Кирилла. Успокой ее, объясни, что супруг у нас, сына их мы ищем. Главное, чтобы он из поселка не удрал.

– У шлагбаума надежная охрана, – напомнила я.

– Мусик, подростки изобретательны, – вздохнула Манюня, – а секьюрити проверяют машины, и только те, которые не принадлежат жителям Ложкина. На пешего человека, если он на выход спешит, внимания не обратят. Парню шестнадцать лет, наверное, он ростом со взрослого. Куртка, шапка... Выйдет за ворота без проблем. Давай, мусик. Наверное, Вера в истерике.

– Можно прилечь на пару минут? – еле слышно осведомился Кирилл.

– Конечно! – воскликнули мы с Манюней хором, потом дочь добавила: – Отведем вас в гостевую. Там очень удобная кровать.

– Нет, я не дойду, – признался гость, – ноги ватные и дрожат.

Маша внимательно посмотрела на Кирилла.

– Давайте попробуем, мы возьмем вас под руки. В гостиной вам не удастся отдохнуть. Сейчас Дусенька играет в детской, но скоро она придет сюда. И собаки к вам залезут.

Кирилл резко сел.

– Псы? Терпеть их не могу. Люди, которые держат дома собак, грязнули. Вонь, повсюду шерсть, экскременты! Фу! Я уйду.

Мы довели соседа до гостевой спальни. Кирилл свалился в кровать, не сняв одежды, и в ту же секунду заснул.

– Немного странно врваться в дом к незнакомым людям без приглашения и, видя, что у хозяев есть несколько собак, называть обитателей коттеджа грязнулями, – заметила Маруся, когда мы вышли в коридор. – Может, я и неряха, но не стану плюхаться в постель, не сняв верхнюю одежду.

– Кирилл не в себе, – встала я на защиту гостя, – и разоблачаться при женщинах, которых увидел впервые, неудобно. Он элементарно нас постеснялся.

– Ой, да ладно, мусик, – поморщилась Маруся, – он просто хам. От хороших родителей дети не убегают.

– По-всякому бывает, – вздохнула я. – Елена Макарова прекрасная мать, всю свою жизнь отдала дочери. Постоянно за руку с Катей везде ходила, все проблемы девочки решала. И каков результат? Дочь вышла замуж за недостойного человека и с тех пор не общается с матерью.

– Мусик, – остановила меня Маша, – тетя Лена задушила Катюню своей любовью. Дочь шагу самостоятельно сделать не могла, в загс отправилась в тридцать лет и очень любит мужа. Но зять не нравится теще. Почему? Николай не пьет, работает, заботится о семье, он прекрасный отец. Что не так? Ответ прост: Коля стал главным человеком в жизни Кати, мать теперь у нее на вторых ролях. А Елена хотела сама руководить дочерью, постоянно вмешивалась в ее семейную жизнь, требовала, чтобы Катя проводила все свободное время с ней, а не с «чужим, наглым мужиком, который без разрешения в семью влез». Последние слова – цитата из речи Макаровой. Я их сама не один раз слышала. Николай молчал, а Катя в конце концов объявила матери: «Мы с тобой теперь общаемся по телефону раз в два дня не более десяти минут, в субботу, воскресенье я остаюсь с семьей, тебя в гости не приглашаю. Не нервнирай меня, я жду ребенка». Елена примчалась к Катке домой, устроила безобразный скандал, требовала от Николая убираться вон, вернуть ей дочь, ей немедленно сделать аборт, мол, младенцы в семье не нужны. Понятное дело, Катка не хочет иметь дел с озверевшей мамашей. Надеюсь, Вера не такая.

Я пошла в прихожую. Не знала, что Лена так себя вела, мне она рассказала другую версию: она заботилась о молодых, как могла, любила их, а муж выдвинул Кате ультиматум: или я, или твоя мать. Феликс порой напоминает мне, что в любой ссоре есть как минимум две сто-

роны. И если хочешь докопаться до истины, понять, почему вспыхнула война, надо выслушать всех участников битвы. Нельзя делать выводы, побеседовав только с одним человеком.

Глава 4

Дверь мне открыла полная женщина в широких джинсах и бесформенном пуловере. Не очень чистые волосы она стянула в хвост. На одутловатом лице я не заметила ни грамма косметики, кожа была землистой, под глазами темнели синяки.

– Вы кто? – устало спросила она.

– Ваш муж... – начала я.

– Его нет дома, – перебила меня хозяйка.

– Он у нас, – быстро договорила я.

– У вас? – удивленно повторила Вера.

– Да, мы живем по соседству, – пояснила я.

– Вы зачем пришли? – вдруг спросила Вера. – С какой целью? Сказать, что я пустое место? Вам об этом Габузов, муж мой, постоянно твердит?

Глаза Веры наполнились слезами.

– Как вам только в голову такая глупость пришла? – опешила я. – Кирилла я увидела впервые только сегодня утром.

– Ага, так я тебе и поверила, – прищурилась хозяйка, – небось хочешь его увести? Вот же дура! Сама не знаешь, куда лезешь!

Мне редко хочется схватить нечто тяжелое и опустить его на голову человеку. Такое желание я испытала всего один раз в жизни. И вот сейчас случился второй. Я сделала глубокий вдох и спокойно произнесла:

– Я замужем и вполне счастлива в браке. Кирилл некоторое время назад пришел к нам. Он рассказал, что ваш сын Вениамин ушел из дома. Почему отец побежал к соседям? Да потому, что у нас много собак, а мальчик очень хочет щенка, наблюдает издали за нашими питомцами. Немного странная, на мой взгляд, идея. Сейчас ваш муж почувствовал себя плохо. Он лежит у нас в гостевой комнате. Думаю, вам надо вызвать врача.

– У меня Леся, – невпопад ответила Вера.

Я поняла, что дальнейший разговор не имеет смысла, развернулась и пошла к калитке, забыв сказать неприятной особе «до свидания». Когда я добралась до нашего участка, калитка в заборе открылась, появился Юра, у него было такое лицо, что у меня похолодело между лопатками. Я поспешила к зятю.

– Что случилось?

– Нашли, – коротко сообщил он.

– Мальчика? – уточнила я.

Юрец кивнул.

– Все плохо? – прошептала я.

Юра опять кивнул, пропустил меня вперед и пояснил:

– Он был в сарае. Сначала я зашел в маленький дом, там только Дегтярев с кем-то по телефону говорил. Мне бы в голову не пришло в хозблок заглянуть. Зачем? Там холодно, темно. Да Нина попросила дрова для камина принести, ну я и пошел туда. Открыл дверь. На скамеечке, куда мы корзину для поленьев ставим, сидел человек в куртке и шапке, рядом лежала сумка. Он сгорбился, голова на грудь упала. Я спросил:

– Вениамин, это вы?

Он не ответил, я потряс его за плечо, парень упал. Он умер.

– О боже, – прошептала я. – Кириллу сказали?

– Нет пока, он спит, – вздохнул Юра.

– Надо его срочно разбудить, – засуетилась я.

– Не могу, – признался Юрец, – не способен сообщить отцу о смерти сына. У тебя это получится?

– Никогда, – ответила я, – надо попросить Дегтярева. Он полицейский, привык людям ужасные вести приносить.

– Дядя Саша в курсе, – пробурчал Юра, – я сразу к нему кинулся. Он позвонил Николаю Юрьевичу Разломову, тот вместо полковника на его работе теперь главный. Он уже к нам летит.

Надо отдать должное Разломову, не прошло и получаса, как в наш гараж въехал микроавтобус криминалистов. Потом появились две иномарки, из них вышли Коля и Олег, его заместитель.

– Где? – коротко спросил последний.

– Пошли, – велел полковник, – остальным сидеть в доме. Не высовываться.

Мы сгрудились в столовой.

– Может, по чашечке кофе? – робко предложила Нина.

– Не хочется, – ответила Маша.

– Мне тоже, – сказал Юра.

Некоторое время все молчали, потом Феликс подошел к окну и сказал:

– Из сарая носилки выносят.

– Ужасно, – прошептала Нина. – Как Кириллу сказать?

– Нам лучше не вмешиваться, – распорядилась я, – всем займется Коля с Олегом.

– Похоже, он жив, – вдруг произнес Феликс.

– Нет, – возразил Юра, – он упал со скамейки на пол, не шевелился, глаза были закрыты.

– У покойников они обычно открыты, – уточнил Феликс, – и навряд ли тело станут увозить, прикрыв одеялом и воткнув в руку капельницу. Мертвецов помещают в мешок.

Я бросилась к окну и увидела процессию. Первым рысил Дегтярев. За ним шли криминалист Леня в рабочем комбинезоне и незнакомый мне юноша в такой же одежде, они тащили носилки. Сбоку, держа в высоко поднятой руке прозрачный пакет, от которого тянулся шланг, семенил Олег. Замыкал шеренгу Коля, он разговаривал по телефону.

Я помчалась в холл и, забыв накинуть куртку, прямо в тапках выскочила во двор. И тут к забору подъехала «Скорая».

– Забирайте, он ваш, – сказал Леня, – подозреваю инфаркт. Я ему ввел то, что у нас с собой было...

Дальше он стал перечислять названия лекарств, потом велел врачу:

– Запиши мой номер, сбрось на Ватсап, кому его передадут.

Вениамина ловко переместили на другие носилки, вдвинули их в фургон с красным крестом, и тот уехал.

– Кофе дашь? – спросил Коля, глядя на меня.

– Не, Дашута жадная, нас вытурит голодными, даже водички не нальет, – серьезно сказал Олег и пошел в сторону нашего дома.

Когда все очутились в столовой, ко мне вернулся дар речи.

– Он жив?

– Скорее да, чем нет, – ответил Леня, – на наркомана не походит. На алкоголика тоже. Думаю, сердце подвело. Я его бегло осмотрел, понял, что он не мой клиент, и сразу «Скорую» вызвал. Может, у него инфаркт. Не исключено.

Я выдохнула.

– Ужасно сообщать Кириллу о...

– О чем мне ужасно сообщать? – произнес мужской голос за моей спиной.

Я обернулась и увидела Кирилла.

– О чем мне ужасно сообщать? – повторил он, быстро подошел к столу и сел. – Где я? Вы кто? Как я сюда попал?

Мы переглянулись. Феликс кашлянул.

– Некоторое время назад вы вошли в наш дом, рассказали, что пропал...

По мере того как Маневин рассказывал о визите Кирилла, на лице того появлялось выражение искреннего изумления.

– Я так себя вел? – спросил он. – Уму непостижимо! Плакал? Жаловался на жизнь? Потом заснул? Поверьте, мне совершенно не свойственно такое поведение. Понять не могу, что случилось. Вот ей-богу, я нахожусь в полнейшем недоумении. Утром мы с женой выпили кофе. Потом...

Кирилл потер лоб.

– Потом я проснулся в незнакомом месте. Не сообразил, где нахожусь, удивился, услышал голоса и пришел к вам. Понимаю, мой рассказ звучит как бред, но так и было. Вы сказали, что боитесь мне нечто ужасное сообщить?

– Вы только не волнуйтесь, – пролепетала я.

Лицо Кирилла вытянулось.

– Вот прекрасные слова, – хмыкнул Коля, – как только слышу их, сразу понимаю: дело плохо, волноваться уже поздно, конец пришел.

– Что случилось? – воскликнул Кирилл.

– Ваш сын жив, его увезли в больницу, – ответила я, – он чем-то отравился, похоже, съел что-то несвежее. Может, рыбу!

Брови Лени поползли вверх, Все присутствующие уставились на меня. Нет бы мне замолчать, но я решила успокоить отца мальчика, поэтому продолжила:

– Или сосиска ему попалась плохого качества.

– В нашей семье не принято употреблять нездоровую пищу, – возразил Кирилл, – мы приверженцы правильного питания.

– Может, ваш сын наркоман? – резко спросил Николай. – Вы сами не увлекаетесь разными препаратами?

Кирилл судорожно всхлипнул.

– Кто вы такой, чтобы задавать такие вопросы?

Разломов молча вынул удостоверение, раскрыл его и показал отцу Вениамина.

– Полиция! – перепугался тот. – Да еще начальник какого-то отдела. Понимаю, мое появление в этом доме выглядело странно. Но у меня нет дурных привычек. Сын пьет только те таблетки, которые ему врач прописал. Что происходит?

– Как ваш мальчик попал в сарай гражданки Васильевой? – спросил Олег.

– В сарай? – повторил Кирилл. – Вчера мы с сыном немного разошлись во мнениях. Он подросток! Сами понимаете, бунтарский возраст. Наверное, я излишне строго с ним поговорил, велел идти в спальню, подумать о своем поведении, он ушел.

Кирилл потер лоб.

– Память оживает. К завтраку вышла только Леся, это наша дочь, она младше брата, Венья не появился. Супруга хотела за ним пойти, но я ее остановил, попросил не ходить к сыну. Он вчера нам нагрубил, пусть сначала попросит прощения. Мы выпили кофе... Дальше я все помню как-то смутно... Вера что-то говорила, кричала... Я... Вспомнил! Жена сказала: «Его дома нет, постель не тронута». Я занервничал, пошел в прихожую и... Провал! Очнулся у вас.

– Погодите, – попросил Ленья. – Вас зовут Кирилл? Верно?

Гость кивнул.

– Парню, которого нашли у поленницы, скорей всего, около тридцати, – продолжил эксперт, – он выглядит моложе, но меня не обманешь. Сколько лет вашему сыну?

– Вениамину шестнадцать, – ответил Кирилл.

– В сарае был не ваш сын, – протянул Ленья и достал свой мобильник. – О, сообщение. Вашего мальчика зовут Вениамин?

Глава 5

– Ну да, – согласился незванный гость, – он школьник. Обучается на дому из-за болезни.
– В вещах того, кто лежал без сознания в сарае, нашли удостоверение на имя Евгения Иосифовича Колымагина, частного детектива агентства «Брум», – отчеканил Леонид.

Дегтярев стукнул кулаком по столу.

– Колымагин! Что он делал на нашем участке? Как попал в Ложкино?

– Ты его знаешь? – удивилась я.

– А то нет! – разозлился полковник. – Сын Йоси, отличного мужика, жаль, он умер. Незадолго до кончины Иосиф попросил меня:

– Точно знаю, что у тебя есть стажерская ставка. Возьми Евгения, не хочет сын по моим стопам пойти. Видишь ли, по его мнению, адвокат – скучная профессия. Хорошо хоть недотепа юрфак окончил. Взбрело в голову Женьке детективом стать. Оформил идиота временно практикантом и отправь его из реки трехнедельного покойника выуживать. Потом пусть в морге около патологоанатома постоит, послушает его умные речи да в обморок грохнется. Может, тогда поймет, что в дорогом костюме в теплом здании суда сидеть намного приятнее, чем на ветру у водоема не один час трястись. Чтение бумаг с описанием преступлений клиента не самое приятное занятие, но все же это лучше, чем нюхать «аромат» в секционной и лицезреть труп на столе из нержавеющей стали.

Александр Михайлович потер затылок.

– Ну я его и взял. Лора, жена Йоси, всем друзьям правду рассказала: мужу осталось несколько месяцев, он об этом не знает, вы уж, ребята, постарайтесь Иосифу что-нибудь приятное сделать.

– Ты его за утопленником отправил? – полюбопытствовал Николай. – Что-то я Колымагина у нас не припоминаю.

– Ты как раз в отпуск ушел, – усмехнулся Дегтярев. – Евгений десять дней проработал и уволился. На реку он не ездил, не представился случай. Я за короткий срок успел понять, что сынок Колымагина капризный, избалованный тип, с утра начинал ныть: «Я творческий человек, не приспособлен к тупому ремеслу. Почему я должен обзванивать каких-то людей? Неужели для этой идиотской работы дураков без образования не найдется?» Ну, все ему не нравилось, даже кофе в буфете.

– Он там реально мерзкий, – заметил Олег.

– Замолчи, – велел Александр Михайлович, – не в кофе дело. Ушел он, и слава богу. Йося очень доволен был. И что? Теперь Женька детектив? «Брум»? Ну и название! Смехота.

Я опустила глаза. Человек, который решил зарегистрировать детективное агентство «Нюх», но перепутал клавиши, напечатал «Тюх», не заметил ошибки, получил документы, разозлился на всех, кроме себя, и теперь говорит, что он владелец «Плаза Тюх», не имеет никакого морального права издеваться над названием «Брум».

– Зачем он залез в наш сарай? Как он туда попал? – повторил уже ранее заданные вопросы Дегтярев.

Кирилл вскочил.

– А где мой сын?

– У нас его нет, – ответила я.

– Мы с женой познакомились в загсе, – вдруг произнес Кирилл. – Оба намеревались получить свидетельства о смерти. Я пришел с маленьким Веней, мог сыну няню нанять, но тот не хотел ни с кем оставаться, требовал:

– Пусть мама скорей вернется.

Я побоялся сообщить малышу правду, не сказал: «Мама умерла, ты никогда больше ее не увидишь». Соврал, что она в командировке, думал, что у детей такого возраста память короткая, скоро забудет маму. Но Веня каждое утро начинал с вопроса:

– Она приехала?

Одного малыша я дома не мог оставить, в сад он ходить категорически отказался, всех нянь, которых я приводил, вон гнал, кричал: «Верните мою маму». Поэтому он со мной везде ездил. А что делать? И в загс мы вместе пришли. Я обрадовался, что очереди нет, одна женщина только. Хотел ее попросить нас вперед пропустить. Да она меня опередила, мило так сказала:

– Молодой человек, я никуда не тороплюсь. Через десять минут инспектор после обеда вернется, идите первым. Вы с ребенком.

Веня посмотрел на нее и как закричит:

– Мамочка!

И бросился незнакомке на шею, обнимает ее, плачет, спрашивает:

– Почему ты так долго домой не возвращалась? Мне без тебя плохо!

Дама его обняла, к себе прижала, глядит на меня. Я достал из портфеля ручку, блокнот, написал: «Жена умерла. Веня не знает, думает, что она в командировке». И показал ей.

У женщины слезы из глаз градом. А я вдруг понял: лицом она на Асю смахивает, прическа точь-в-точь как у покойной жены, очки такие же. Платье, жакет, сумка – все серо-голубого цвета, любимого покойной супругой. И ярко-красная губная помада, Ася ее обожала, всегда перед выходом из дома ею пользовалась, говорила: «Без этой помады я как голая».

Сотрудница загса кабинет открыла, я ребенка попытался от незнакомки оторвать. Тот в рев: «Не уйду от мамы». Так втроем в комнату и вошли. Я ее имя узнал – Вера Михайловна Губарева. Оказалось, у нее муж скончался. Вышли мы на улицу. Веня строго так спросил:

– Ты точно моя мама? Вроде она, а вроде и не похожа!

Вера его обняла.

– Понимаешь, заболела я, не заразно. Пришлось лекарства пить, из-за них внешность слегка изменилась. Жить пока с тобой и с папой я не могу, врач не разрешает, но буду приезжать.

Малыш опять бросился к ней на шею.

– Платье, как у мамы, голос, как у мамы, пахнет, как мама, она моя мама.

И что тут делать? Через два месяца мы поженились. Веня перестал сомневаться, всем говорил: мама из командировки вернулась. И мы очень хорошо жили вместе, это были безоблачные счастливые годы. А потом...

Кирилл отвернулся к окну.

– Я никогда никому не рассказывал, как умерла Ася. Но, поверьте, это было страшное время. Больницы, врачи, сначала надежда, потом отчаяние, опять надежда. Недуг стартовал во время ее второй беременности. Родилась Олеся, а жена быстро ушла. Веня, как я уже говорил, страшно переживал. Олеся ничего не понимала, ей на момент смерти мамы было два месяца всего. Девочка на три года младше брата. Потом в моей жизни появилась Вера. Я, наивный, решил, что все страшное позади. Ан нет. Через несколько лет у Вени обнаружилась тотальная аллергия. Мальчик скудно питается, и мы постоянно живем в ожидании неприятных сюрпризов. Вот вам пример: много лет Веня пил яблочный компот, и проблем не было. А в ноябре мальчик им в очередной раз полакомился и чуть не умер. Хорошо, что дома все лекарства имеются. Вот и гадай теперь, в чем причина? Яблоки плохие? Вода не та? Понимаете?

Я кивнула. Кирилл заметил мое движение головой и налетел на меня:

– Ничего вам не ясно. Мальчика сейчас нет дома. Он устал от уколов, лечения. Я его понимаю, но лекарства нельзя отменить. Парнишка сбежал, где-то спрятался. Определенно захочет есть, пить, пойти в туалет. Что случится, если неразумный подросток...

Кирилл задохнулся и замолчал.

– Мои слова вас не успокоят, – неожиданно сочувственно произнес Дегтярев, – но если вы ответите на кое-какие вопросы, мы постараемся побыстрее найти Вениамина. Леня! Позвони куда надо.

Патологоанатом кивнул и вышел.

– Вы вообще кто? – устало спросил гость.

– Полковник Александр Михайлович Дегтярев, – представила я толстяка, – владелец детективного агентства «Плаза Тюх». До того как открыть собственное дело, он много лет работал на руководящих должностях в полиции.

– Вы на самом деле можете отыскать Веню? – оживился Кирилл.

Вместо Дегтярева ответила опять я:

– Очень постараемся. Давайте пройдем в наш офис.

Сосед встал.

– Хорошо, только мне надо вернуться домой за машиной.

Полковник остановил нашего соседа.

– Никуда ехать не потребуется. Служебное помещение расположено в небольшом доме, который находится на этом же участке. Дарья, позови Собачкина и Кузю.

И тут в комнату вернулся Леня. Дегтярев взглянул на него.

– Нет, – ответил патологоанатом, а заодно и эксперт нашего детективного агентства.

– Что означает «нет»? – занервничал Кирилл. – С Веней беда? Его нет?

– На данный момент ни в морги, ни в больницы не поступал подросток шестнадцати лет, которого подобрали на улице, в общественном месте или еще где-либо, – объяснил полковник.

– А также за последние сутки в столице не зарегистрировано ни одного происшествия с участием подростков, – дополнил Леня, – под машины они не попадали, на рельсы в метро не падали. С большой долей вероятности ваш сын жив.

Николай вздохнул, и я поняла, о чем он думает. Отнюдь не все смертельные случаи регистрируются официально. Преступник может привести подростка к себе домой, запереть его. Кто тогда узнает, где ребенок? В полицейские сводки его имя сразу не попадет, и окажется там только после заявления родителей о пропаже паренька.

– Отличная новость! – слишком радостно воскликнул полковник. – Идем в офис.

Глава 6

- Я заплачу вам любые деньги, – пообещал Кирилл, – только найдите сына.
- У Вениамина есть друзья? – осведомился Николай, который вместе с нами пришел в офис. – Нам нужны их имена, фамилии, телефоны.
- Подростки из хороших семей, как правило, прячутся у приятелей, – кивнул Сеня, – или бегут к родственникам.
- Никого у сына нет, – отрезал Кирилл.
- Не понял, уточните, – попросил Собачкин.
- Родители моей покойной жены давно умерли, – пустился в объяснения Кирилл, – Вера тоже сирота. Я отца не знал, мама скончалась, когда я основал свою фирму. Занимаюсь рекламой.
- Есть ли среди ваших друзей люди, которых Вениамин уважает, любит, к кому он мог пойти переночевать? – задал свой вопрос Дегтярев.
- Мы с женой ведем замкнутый образ жизни, так бывает, когда в семье есть больные, – нахмурился Кирилл, – людям некомфортно приходиться в дом, где пахнет лекарствами, неприятно видеть инвалидов. И гости могут принести инфекцию. Нет у нас друзей.
- Няня, медсестра, врач, может, кто-то из них мог приютить Веню? – предположил Кузя. – Учитель?
- Мальчик находится на домашнем обучении, – напомнил отец.
- Но к нему ходят педагоги, – не сдался наш главный компьютерщик.
- Нет, – буркнул Кирилл.
- Кто же занимается с подростком? – изумилась я и услышала.
- Жена. Она забирает в школе задания, потом приносит их туда выполненными.
- А экзамены? – недоумевала я. – С ними как?
- Никак, – отрезал отец.
- Повисла тягостная тишина. Ее нарушил Дегтярев:
- Но мальчик не получит аттестат, если не...
- О чем вы говорите! – воскликнул Кирилл. – Господи, мы живем на разных планетах. Веня никогда не сможет учиться в институте. И работать не пойдет. Непонятно, сколько лет он еще проживет! А вы про ЕГЭ. Да гори оно огнем! Ему и школа-то не нужна. Вера ездила на консультацию к профессору, главному спецу по аллергии. Ну, плохие у нас перспективы. Очень. Думаете, я идиот? Стал бить тревогу из-за просто сбежавшего от родительской опеки пацана? Пошляется день-другой по улицам, оголодает, побьют его... И домой мигом прибежит? Но у нас другой случай! У Вени часто бывает маска.
- Маска? – повторила я.
- Цветение, – вздохнул Кирилл, – пыльца. Гроза. Таяние снега. И многие другие раздражители вызывают у сына обострение. Поэтому он ходит в так называемой маске. На самом деле это очки и фильтры, которые вставляют в нос. Я покупаю их у японцев. Дорого. Но это помогает.
- Объясните, что вызвало у Вениамина желание покинуть дом? – попросил Собачкин.
- Да ничего, – пожал плечами отец, – был обычный день, стандартные процедуры. У нас жесткий распорядок дня. Все шло, как всегда. Потом он захотел поехать в зоопарк. Я объяснил, что к животным нельзя, тем более к обезьянам. Неделию он заводил разговор о посещении мартышек.
- Кирилл посмотрел на меня.
- Я хорошо понимаю, что подростку нужны впечатления, он жаждет общения. В принципе можно было попробовать посетить зверинец. Но сын чего хотел? Заниматься на курсах

при ветеринарной академии! Решил после окончания школы пойти туда учиться. Но это же невозможно. Я ему доходчиво объяснил, по какой причине эта профессия никак не пригодна для аллергика. Ну и случилась истерика у парня.

– Вы постоянно следили за сыном? – осведомилась я.

– В плане здоровья, да, – согласился Кирилл, – но мы не фанатики. За руку его по дому и участку не водим. Вениамин знает: если он начал чихать, кашлять, нужно немедленно бежать к маме. Она сделает уколы, и все будет хорошо. Проблемы стартуют, если они с женой куда-нибудь выезжают. В прошлую среду, например, Леся попросила мать пойти в кино. И что вышло? У Вени начался отек. Но с этим Вера быстро справилась. Едва сын задышал нормально, у дочери случился судорожный припадок. Сделать укол человеку, который бьется в корчах, чертовски трудно. Нужны двое, один придерживает больного, второй инъекцию делает. А Вера была одна. В холле кинотеатра! Вокруг люди. Думаете, кто-нибудь помог? Ха! Все разбежались, издали глазели. Когда Леся успокоилась, к Вере подошел администратор и сказал:

– Пожалуйста, не оставайтесь на сеанс. Ваши дети больны. Они могут заразить других.

Ну не идиот ли? Судороги и аллергия воздушно-капельным путем не передаются. Именно это ему Вера и объяснила. Но урод не успокоился.

– Пусть так, но здесь много людей, которых такое зрелище пугает. Мы вернем вам деньги за билеты.

Супруга, естественно, ушла. Леся и Веня расстроились. Вот скажите, разве ребята не имеют права сидеть в зале, потому что они не такие, как все?

– Простите, у вас и девочка со слабым здоровьем? – осведомилась я.

– Да, – вздохнул Габузов, – я уже говорил, что ужасный диагноз моей первой жене поставили, когда она ждала Лесю. Врачи говорили, что подобрали лечение, которое не повредит плоду, дескать, срок уже шесть месяцев, плацента сформировалась. Леся появилась на свет вроде здоровой, первые годы ее жизни прошли без проблем. Несколько лет назад начались припадки. Не эпилепсия. Никто из специалистов не мог объяснить, что с девочкой. Она сохранна умственно. Но в любой момент может упасть. Процесс прогрессирует. Врачи считают, что так на дочь повлияло лечение, с помощью которого пытались спасти ее мать.

– Значит, Вера мачеха? – уточнил Леня.

– Нет. Она им мама, – возразил Кирилл.

– А что случилось сегодня утром, когда Вениамин пропал? – осведомился Собачкин.

– А ничего. Вчера он лег, как обычно, в двадцать один час, – объяснил отец.

– Шестнадцатилетний подросток идет спать в начале программы «Время»? – поразились я.

– Веня боится очередного приступа аллергии, а она обостряется в момент усталости, – объяснил наш клиент, – и пойти в кровать не означает лечь спать. Просто мальчику требуется отдых, полумрак, тихая музыка, медитация.

– Я бы сбежал оттуда, – шепнул мне на ухо Коля, – даже зная, что сдохну, удрал бы.

– У мальчика своя спальня? – спросил Дегтярев.

– Естественно, – удивился вопросу Габузов, – и у Вениамина, и у Леси отдельные детские.

– То есть вы не опасаетесь, что сыну станет плохо, когда он находится один в комнате? – уточнила я. – Вдруг паренек выйти не сможет, и вас позвать у него не получится?

– Давно придуман прибор под названием радионяня, – снисходительно пояснил Кирилл, – звуки из детских во всем доме слышны. И у них установлены камеры. Простите, где у вас туалет?

– Вторая дверь по коридору, – объяснил Собачкин. – Вас проводить?

– Попробую сам найти, – сказал Кирилл и удалился.

Когда он покинул помещение, Кузя дал волю чувствам.

– У ребят условия хуже, чем на зоне «Полярная сова», где сидят те, кого приговорили к пожизненному заключению.

– Ну это, конечно, не так, – возразил Олег, – наверное, их вкусно кормят, хорошо одевают.

– Насчет Леси не знаю, а несчастный Веня, похоже, питается одной овсянкой на воде, – пробормотала я. – Что это за аллергия такая?

– У Веры много профилей в соцсетях, – объявил Кузя, – она в каждом отметилась: Инстаграм, ВКонтакте, Одноклассники, Фейсбук и всякие объединения больных людей. Вера борется за правду и справедливость. Баба с активной жизненной позицией. Два дня назад ее с детьми вытурили из трактира. Слушайте, зачитываю текст. «Друзья! Рассказываю о чудовищном хамстве сотрудников «Дробо». Мы с Вениамином и Лесенькой решили выпить чаю. Сами знаете, я боюсь посещать места общественного питания из-за сына. Вдруг ему плохо станет. Да Лесеньке очень чаю хотелось. Веня молодец, шепнул мне:

– Ма, давай зайдем. Я ничего есть не стану. Свою воду попью, а Леська пиццу слопает, ей жуть как хочется!

И началось. Уже на входе нам сказали, что мест нет. Я показала на свободный столик. Администратор соврала, что он занят. И тут на моих глазах ушла компания, девица уже не могла солгать, что места заказаны. Я обрадовалась.

– Мы садимся.

А теперь я привожу полностью диалог с управляющим, которого девица с ресепшен позвала на помощь:

“– Простите, размер зала не позволяет поставить инвалидную коляску.

– Я оставляю ее у гардероба.

– Она помешает посетителям.

– Спрячу ее в машине.

– Женщина, у нас тут дети.

– И что? Я тоже с детьми.

– Гости хотят отдохнуть.

– Отлично. И мы тоже.

– Поймите меня правильно. Вид ваших ребят...

– Что с ними не так?

– Они явно больны.

– Девочка плохо ходит, это не заразно.

– А мальчик?! Он весь в струпьях.

– Это аллергия.

– Но другие посетители испугаются.

– Вы отказываете нам в обслуживании?

– Нет, нет.

– Тогда мы садимся.

– Накроем для вас столик не в общем зале, там дует. Детки простудятся.

– Куда нам идти?

– На второй этаж, в мой личный зал, я там ВИП-клиентов угощаю.

– Но дети хотят здесь, им тут веселей.

– Ой! А столик уже заняли!

– Как? Мы пришли раньше.

– Ну, те люди вас не видели и сели.

– Поднимите их.

– Не переживайте, мы обслужим вас в ВИП-зоне.

– Как вам не стыдно! Боитесь впустить инвалидов.

– Я вам предложил особые условия.

– Нам они не нужны”».

Кузя оторвался от экрана.

– И дальше в том же духе. В «карусели» к посту даны несколько фото: вывеска ресторана, полупустой зал, где одна треть столов свободна, широкий холл при гардеробе. Объективности ради замечу: там несколько инвалидных колясок легко поместятся. А первый снимок просто бомба: заплаканная девочка сидит в передвижном кресле. Рядом хмурый паренек, у него лицо в прыщах. И женщина с растерянным лицом. Или с ними кто-то еще был, или Вера попросила прохожего их снять. Завершают публикации хэштеги «Янесдамся», «Моидетиинвалиды», «Праваинвалидовнарушены», «Борюсьзаправаинвалидов». И несколько тысяч гневных комментариев, самые мирные из них: «Вот гады, детей больных не пустили», «Люди, репостните сообщение, пусть никто в «Дробо» не ходит».

– Наверное, управляющий проклял тот день, когда отказал Вере в обслуживании, – вздохнул Николай.

– Он же ей предложил вип-зал, – возразил Кузя, – Вера часто пишет, как ее обижают в магазинах, поликлинике, кино, театре. На мой взгляд, ей нравится разжигать гнев народа.

– Когда целыми днями сидишь дома с тяжелобольными детьми, интернет становится единственной отдушиной, – предположила я, – отвратительно, когда человека не пускают поесть, потому что он выглядит не так, как все.

– Думаю нам надо пойти и посмотреть на Веру, – перевел разговор на другую тему Сеня.

Глава 7

К дому, где жила семья Габузовых, мы пришли втроем: Кирилл, Сеня и я. Николай с командой уехал, Кузя остался у компьютера, а Дегтярев дежурил на телефоне.

Кирилл открыл дверь.

– Вера скорей всего у дочери в спальне, проходите в столовую, я присоединюсь к вам через минуту. Приведу жену.

Мы пошли за Габузовым. Узкий коридор выглядел безлико: ни картин, ни полок с безделушками, ни ковра на полу. И комната, в которой в конце концов мы оказались, была не лучше.

– Чай? Кофе? – спросил хозяин.

– Спасибо, нет, – ответила я.

– Что-то не хочется, – пробормотал Сеня.

Кирилл исчез.

– Странное помещение, – шепнул Собачкин, – пластиковые стулья, такой же стол, шкафы. Ни паласа, ни скатерти, ни занавесок. Даже у нас с Кузей мелкого барахла много в гостиной, типа глобуса-бара и сувениров, а здесь, как в мебельном магазине. Неуютно.

– У Вени аллергия, поэтому тут мебель, с которой можно быстро удалить пыль, – предложила я, – пластик легко протереть. А ковер, как его ни чисти, всегда рассадник всяких микробов.

– Верно, – произнес Кирилл, внезапно появляясь в столовой, – в доме создана максимально комфортная обстановка для мальчика. Леся, входи, не стесняйся.

Послышалось шарканье, я увидела худую девочку, которая хромала на обе ноги.

– Детонька, где твои костыли? – ласково спросил отец.

– В коридоре стоят, – еле слышно ответила дочь.

– Леся, – закричал пронзительный голос, такой резкий, что я вздрогнула, – тебе нельзя ходить без них.

– Вера, не нервничай, – попросил муж, – костыли в коридоре.

– Вижу их, – завопила жена, – я не заставляю постоянно выполнять требования врача, разрешаю иногда отступить от диеты, но без костылей передвигаться опасно.

Я молча смотрела на девочку. Диета? Она ничего не ест? Сколько весит бедняга? Тридцать кило?

– Что вы на меня уставились? – зло буркнула Леся. – Инвалидов не видели? Хромых, убогих? Неполноценных?

Девочка явно вызывала меня на агрессию, и мне стало ее до слез жаль. Тяжелая судьба у ребенка, но надо как-то наладить контакт.

– Кофточка у тебя очень красивая, – вздохнула я, – с вышивкой. Собачки повсюду. Давно о такой мечтаю. Но не розового цвета, мне больше нравится серо-голубой. Где ты такую купила?

Леся, которая ожидала другой реакции на свои слова, приоткрыла рот, потом решила продолжать в прежнем духе и огрызнулась:

– Не помню. Вы старая, чтобы такую носить!

– Дорогая, таких слов говорить не следует, – пожурил отец дочь.

– Ты, конечно, права, – грустно согласилась я, – дама моего возраста смешно выглядит в вещах с детским принтом. Но во времена моего детства такой красоты в магазинах днем с огнем было не сыскать. Не знаю, что бы я лет в тринадцать отдала за такую вещь? Да что угодно, даже игрушечный домик с ежиками.

Леся рассмеялась.

– Вы в таком возрасте фигней развлекались?

– Компьютеров тогда не было, мультики по телевизору не каждый день показывали, да и демонстрировали их минут десять. Как развлечения оставались книги да игрушки, – объяснила я, – мы росли инфантильными, не такими, как современные подростки.

– В подвал к мальчикам не ходили, – фыркнула Леся, – не пили, не курили, сексом не занимались. С ежиками забавлялись. Красиво врете. У матери спросите, где она эту кретинскую кофту откопала. Мне не разрешают самой шмотки покупать. Я инвалид, а таких в магазинах не любят. Понятно? Убогим уродам надо дома сидеть.

– Дорогая, тебе пора принимать лекарство, – засуетилась мать.

– Принеси в комнату, – распорядилась дочь.

– Можно в интернете любые платья заказать, – непонятно зачем продолжила я глупый разговор.

Леся, которая успела медленно сделать пару шагов в сторону коридора, резко обернулась.

– Вы не поняли? Перед вами инвалид! У меня нет айпада, айфона, компьютера.

– Да почему? – растерялась я.

– Я инвалид, – как мантру повторила Леся, – ин-ва-лид! Мне ничего нельзя! От гаджетов идет вредное излучение. Ин-ва-лид я. Я ин-ва-лид!

– Великий ученый, англичанин Стивен Хокинг, был почти полностью парализован, он ездил в коляске, но пользовался всеми чудесами техники, сделал много открытий. Похоже, ему излучение не мешало, – возразила я.

– Меня зовут Олеся, – с вызовом пропела девочка, – я не Стивен Хокинг. Он умер. И это очень хорошо. А я жива. И это очень хорошо. Но скоро сдохну. И это очень хорошо. Родители от уродки освободятся. И это очень хорошо. Очень хорошо.

Повторяя на все лады одну фразу, Леся, шаркая ногами и сильно хромая, удалилась.

– Может, девочку психологу показать? – робко спросила я.

Вера махнула рукой.

– Вы не переживайте. Леся вполне счастлива, просто сегодня день такой, раздражительный.

– У нее и правда нет компьютера? Телефона? – поинтересовался Сеня.

– Есть планшетник, но без доступа в интернет, – уточнил Кирилл, – мы не хотим, чтобы ребенок попал в лапы педофила.

– Или забрел на сомнительные сайты, – добавила Вера, – у дочери закачаны полезные игры, развивающие. Викторины по истории, литературе и так далее. Вы хотите посмотреть комнату Вениамина?

– Если можно, – ответила я.

– Мы на все готовы ради возвращения сына, – всхлипнула Вера. – Я в панике.

– Дорогая, ты прекрасно держишься, – похвалил супругу Кирилл.

– Это внешне, – прошептала она и прижала к груди руку, – внутри все горит.

Я невольно обратила внимание на свежий маникюр хозяйки дома.

Мне понравился цвет лака, смесь бежевого и розового.

– Кирилл, можешь сделать чай? – попросила хозяйка. – Я отведу детективов к Венечке, потом сядем в столовой.

– Конечно, солнышко, – безропотно согласился муж.

– Пойдемте, господа, спальни детей на втором этаже. По лестнице поднимитесь? Или на лифте? – заботливо осведомилась хозяйка.

– Здесь есть подъемник? – удивился Семен. – Зачем? Это не многоэтажное здание!

– Особняк не наша собственность, мы сняли его недавно, – объяснила Вера, – у нас из-за детей много требований. Никаких ковров, вместо занавесок рулонки, категорическое «нет» любой мягкой мебели, деревянным шкафам и спинкам постелей с завитушками, плюс лифт. Тащить Лесю на руках вверх тяжело.

– Мы воспользуемся лестницей, – решил Собачкин.

– Если устроить детские на первом этаже, то лифт не понадобится, – протянула я.

Вера ахнула:

– Да вы что! А вдруг сквозняки? Чем ближе к земле, тем холодней. А вдруг злодей в окно к ним залезет? А вдруг чей-то кот запрыгнет? Или хулиганы камень бросят, стекло разобьется, ребята поранятся. Или я не замечу в саду лилию, она зацветет, запах к Вене в спальню вползет? А вдруг у мальчика начнется очередной отек Квинке?

Под аккомпанемент бесконечно повторяемых «а вдруг» мы переместились на второй этаж и вошли в детскую.

– Мда, – крикнул Сенья.

Я молча оглядела спальню. В ней, наверное, было метров пятьдесят. У одной стены стоит железная кровать. Она прикрыта бежевой льняной накидкой. Рядом тумбочка. Наверное, вы догадались, что мебель пластмассовая. Слева висит несколько полок из того же материала. На них кубик Рубика и деревянные коробки. Между двух окон стоят стол и стул. Угадайте, из чего они сделаны? Это все! Жить в таком помещении – все равно что обитать в пустом балльном зале. Места много, но неуютно. Так выглядят солдатские казармы. Хотя нет, в них много спальных мест, нет ощущения, что ты один в пустыне.

– Где одежда мальчика? – спросил Семен.

– В шкафу, – ответила хозяйка.

Она прошла через весь «плац» и открыла дверь в стене. Я не заметила ручку и не догадалась, что здесь оборудован гардероб.

– Веня не модник, – вздохнула Вера, – все мальчики такие. У него из-за болезни сложности с подбором костюма.

Мы с Сеней приблизились к шифоньеру. У Веры зазвонил телефон.

– Простите, – произнесла она и выскользнула в коридор.

Глава 8

– Как-то раз, – пробормотал Собачкин, – мне довелось обыскивать палату в сумасшедшем доме. Местный интерьерчик прямо один в один, как у психов. Обрати внимание на шкаф. Ничего не удивляет?

Я поежилась.

– Нечеловеческий порядок. Белье простое, хлопчатобумажное, идеально чистое. Все сложено на один манер. Трусы слева, майки справа. Носки на отдельной полке. Рубашки висят, у каждой застегнуты пуговицы.

– Через одну! – подчеркнул приятель. – Брюки из натуральных тканей идеально отглажены. И вешалки!

– А что с ними? – не поняла я.

– Рогульки в одну сторону смотрят.

– Рогульки? – удивилась я.

– Ну, цеплялки, крючки, – перечислил Сеня. – Как назвать то, чем «плечики» за палку держатся? Обрати внимание, они все повернуты дырками захвата в одну сторону.

– Дырки захвата, – засмеялась я. – Сеня, ты поэт.

– У крючка есть круглая спинка и носик, – вещал Семен, – все носики смотрят на нас. Представь, как парню неудобно их вешать! А Веня старательно выполняет никому не нужную работу. Он псих. Шизофреник. Или еще кто-то. Я плохо в душевных болезнях разбираюсь. Не знаю, как с аллергией, может, она и впрямь у него есть. Но не золотуха причина тревоги родителей. Парнишка безумен.

– Ты пришел к столь смелому выводу на основании положения «дырок захвата»? – осведомилась я.

– В психиатрических клиниках пациентов учат содержать свою палату и вещи в идеальном порядке, – ответил Собачкин, – это помогает человеку держать эмоции под контролем. Вот у тебя в шкафу всегда аккуратно?

Я протяжно вздохнула.

– Раз в полгода я устраиваю генеральную уборку. Трусики – стопочкой, лифчики башенкой. Колготки в мешочках, прозрачные – в бежевых, черные – в темных. Прямо восторг, а не полки. И стараюсь не нарушать сию красоту. Одну неделю, вторую методично кладу трусики – стопочкой, лифчики рядом башенкой. А потом утром опаздываю, ищу нужное белье... трусики расшвыряю, лифчики раскидаю, колготки перемешаю. И хаос царит до следующей генеральной уборки. Моей аккуратности хватает максимум на пару недель.

Семен ухмыльнулся.

– Ты бы в шкаф к Дегтяреву заглянул, – обиделась я, – у него носки в карманы пиджаков засунуты.

– Зачем? – изумился Собачкин.

Я попыталась сохранить серьезный вид.

– Александр Михайлович говорит, что он никогда носки по утрам не ищет, время зря на пустяки не тратит. Накинул сюртук, а носки в карманчике. Не надо на полках рыться.

– В этом что-то есть, – задумчиво протянул Сеня, – мне часто под руку, когда я опаздываю, носки из разных пар попадают. Один синий, другой зеленый. Это бесит. Может, перенять систему полковника?

– Попробуй, – сдавленным голосом предложила я, – но учти, она не всегда работает. У пиджака два кармана. Полковник в один запихнет носки, потом забудет и во второй положит. Александр Михайлович использует одну пару, а вторая лежит себе в другом кармане. Олег

мне рассказал, как один раз полковник на совещании вытащил носок из кармана, высморкался в него и на место спрятал. Подчиненные тогда чуть психиатрическую перевозку не вызвали.

Тут я не выдержала и расхохоталась.

– Забавная история, – согласился Сеня и вернулся к прежней теме: – Вениамин – сумасшедший.

– А почему его отец ни словом не обмолвился об этом? – удивилась я.

Собачкин оглушительно чихнул, я подпрыгнула от неожиданности. Семен шмыгнул носом.

– Не хочет сообщать посторонним правду.

– Но мы детективы, ищем его пропавшего сына, – возмутилась я, – скрывать от нас информацию в корне неверно! Если парень не в себе, то искать его надо, учитывая его болезнь.

И тут в комнату вернулась Вера.

– Прошу меня простить. Из-за переживаний я совсем забыла сегодня отвезти в школу тетради детей. Учительница звонила, сделала мне выговор.

– Леся тоже на домашнем обучении? – поинтересовалась я и отошла к окну.

– Конечно, – ответила хозяйка, – в гимназии очень злые ученики. Каждый готов инвалида толкнуть, ударить, обидеть. И педагоги странные. Вот, например, Лидия Сергеевна, которая сейчас звонила. Десять минут меня ругала. Пытаюсь ей объяснить, что у нас беда! Она не слышит. Долдонит свое: «У нас проверка. А тетрадей нет. Меня из-за вас премии лишат». Я ей в толковываю: «У нас горе...»

Хозяйка осеклась.

Чем дольше Вера говорила, тем сильнее гневалась. Лицо ее сначала покраснело, затем побагровело. Она закашлялась, села на пол и зарыдала.

– Быстро зови сюда Кирилла, – велел Семен и наклонился над Верой. – Все будет хорошо!

Я кинулась вниз по лестнице, влетела в столовую и чуть не сбила с ног Лесю, которая стояла на пороге.

– Эй, потише! – недовольно заголосила девочка. – Тут не все крепко на ногах стоят.

– Где твой папа? – спросила я.

– Который? – уточнила Леся.

Она, похоже, решила глупо пошутить, но мне было не до ее выкрутасов.

– Где Кирилл?

– В лес пошел, – серьезно сказала девочка.

– Зачем? – спросила я.

– Взял веревку, мыло, мешок, – перечислила Леся, – повесится, упакуется, на помойку покатится.

– Сделай одолжение, ответь нормально, – велела я, – твоей маме плохо.

Леся надулась.

– Круто припереться в гости и сказать дочери хозяев: «Ты... ненормальная».

Слава богу, что в этот момент в столовой появился отец нахалки. Я бросилась к нему.

– Ваша жена в истерике.

– У нее нервы на пределе, – вздохнул Кирилл, открывая ящик пластикового комода.

Он вынул оттуда дозатор и поспешил к лестнице, чуть не столкнувшись с Собачкиным, который спускался вниз.

– Вера очень плохо себя чувствует, – сказал Сеня, – ей нужен отдых.

– Не пора ли вам домой? – с очаровательной улыбкой осведомилась Леся. – У нас сегодня переполох. Самая жирная курица смылась. Осталась убогая, колченогая.

– Вы правы, – согласилась я, – передайте родителям, что детективы ушли.

Леся начала тереть глаза кулаками.

– Тетенька, останьтесь. Я так одинока, а вы умеете с наглыми подростками беседовать. Про кофточки спрашиваете! Я прямо растаяла!

Я повернулась и двинулась к двери.

– Тетя! – взывала Леся. – Вы куда? Не бросайте меня, я инвалид. Неужели у вас каменное сердце? Тетя! Помогите! Спасите! Я погибаю! Сжальтесь!

Я вылетела в прихожую, набросила на плечи куртку и побежала к калитке.

Глава 9

В холл своего дома я ворвалась, бормоча себе под нос:

– Дашенька, ты молодец! Ничего не сказала девочке. Дашенька, ты умница. Не поддалась на провокацию агрессивного подростка.

Сев на диван, я перевела дыхание и ощутила запах, знакомый, вполне приятный, но почему-то он вызвал у меня приступ тошноты. Я расстегнула куртку. Ну вот, после общения с семьей Габузовых у меня, кажется, начинается мигрень.

Из коридора в прихожую выглянула Маша.

– Мусик, – прошептала она, – все хорошо. Главное, ты не нервничай.

Я чуть не рухнула на пол.

– Что случилось?

Маруся открыла было рот, и тут из глубины дома раздался знакомый голос:

– Спасибо, любезная. Но я никогда не порчу хороший кофе молоком. Вот в плохой готова даже лимон бросить.

Мне в висок вонзилась раскаленная железная палка. Я закрыла правый глаз. Понятно, почему от аромата дорогого парфюма у меня возникла головная боль. К нам прибыла Зоя Игнатьевна, бабушка Феликса, основательница, владелица, ректор и профессор Института проблем воспитания человека. Кажется, учебное заведение именуется так. Уж извините, если я перепутала. У меня избирательная память. Я прекрасно помню приятные события, а вот все то, что вызывает отрицательные эмоции, живо забываю. Порой, глядя на человека, я понимаю: прекрасно его знаю, мы общаемся, но... Но как его зовут? Правда, имя бабушки Феликса крепко застряло в подвалах моего сознания, но зато оно вымело вон наименование ее института. Зоя Игнатьевна – удивительная женщина. Начнем с того, что ей, по моим скромным подсчетам, лет так триста. Ну, это шутка. Истинный возраст дамы никому не известен. Мой супруг, Феликс Маневин, ее внук, а его мать, Глория, дочь Зои. Моя свекровь антипод своей матери. Глория тихая, молчаливая, никогда не отстаивает с пеной у рта свое мнение по любому вопросу, готова всем помочь. Она работает в институте у своей мамы, которая твердо уверена, что Глория – это тыбы. Кто такая тыбы? Ты бы сходила в магазин, купила все по моему списку. Ты бы перестала читать, а занялась бы делом. Ты бы не сидела сложа руки, а помыла посуду. Ты бы перестала думать только о себе, у тебя мать есть. Ты бы... ты бы... Тыбы! Свою дочь Зоя не уважает, не любит, считает никудышной, глупой женщиной. А внук для бабушки чужой человек, он отказался подчиняться Зое, не пошел после школы учиться в ее институт, нагло заявил:

– Я решил получить настоящее образование, хочу заниматься делом, которое сам себе выбрал.

И стал студентом МГУ. Когда Феликс сдал на одни пятерки первую сессию, ласковая бабуля торжественно объявила:

– Молодой, здоровый мужчина не желает прислушиваться к моим умным советам, игнорирует их. Его позиция такова: сам решаю свои проблемы, я взрослый. Но тогда возникает вопрос: если ты такой самодостаточный, то почему ты живешь в доме у той, кого считаешь дурой? Ешь, пьешь за ее счет? Или обострение «самодостаточности» утихает, когда хочется вкусно поужинать, поспать на мягком и чистом и не думать о коммунальных платежах? Или ты самостоятельный, тогда живи отдельно. Или ты ешь из моей руки, тогда изволь меня слушаться.

– Справедливые слова, – согласился Феликс и ушел из дома, взяв только портфель, набитый книгами.

Несколько лет Маневин не общался с бабушкой, а та не испытывала желания встречаться со строптивым внуком, но не забывала каждый божий день напоминать дочери, что та родила от мужлана чудовище и усугубила плохую генетику ребенка неправильным воспитанием.

Со временем отношения у Феликса с Зоей кое-как наладились, Маневин повзрослел, понял, что от его войны с бабкой страдает Глория, и ради матери старается хранить мир. Но он знает, что дружить с Зоей Игнатьевной невозможно, потому что хорошие отношения в ее понимании – это исполнение всех ее требований в любой момент, независимо от времени суток и собственных планов.

Меня Зоя терпеть не может. Я никак от нее не завишу, ни материально, ни морально. Один раз я выгнала бабулю мужа из своего дома, но потом, ради Глории, все вернулось на круги своя. Мы с Феликсом счастливы, а Зою бесит, когда кто-либо живет с улыбкой на лице и улыбка эта не светский «смайл», а искреннее выражение радости бытия.

Можно ли существовать, никогда никого не любя? Мне такие индивидуумы пока не встречались, даже самые неприятные представители человеческого рода испытывают светлые чувства, если не к себе подобным, то к кошке, собаке, крыске... У Зои Игнатьевны есть младший сын Игорь. Любимый. Обожаемый. Несравненный. Лучший на свете. Солнце, на котором нет ни одного крохотного пятнышка. Чем занимается Гарик? Постоянно затевает бизнес. То он собирается выпускать туалетную бумагу со съедобной втулкой. А что? Прекрасная идея. Размотал в туалете рулон, а круглый держатель съел. Или вот еноты-полоскуны, они могут стать прекрасными прачками, вытеснят с рынка автоматические стиральные машины. Гениальной показалась Гарику и идея отыскивать с помощью собаки Мафи в подмосковных лесах грибы трюфели и продавать их за сотни тысяч евро на мировых аукционах. Можно я не стану продолжать список его идей? Поверьте, он очень длинный. Затевая очередной проект, Гарик абсолютно уверен, что разбогатеет. Никакие разумные слова вроде: «Под Москвой трюфели никогда не росли», на парня не действуют. Он с головой бросается в омут бизнеса и тонет в нем, не успев издать всхлипа. А когда добрые люди вытаскивают Игоря за шкуру на берег, он мигом обвиняет в своих неудачах тупой российский народ, который не способен креативно мыслить, не хочет жевать втулку, приобретать енотов, и Игорь тотчас теряет интерес к неудачному делу. Полоскунов и собаку Мафи он просто решил выгнать на улицу. Мы пристроили енотов к одному знакомому, который содержит зоопарк, и все они там отлично себя чувствуют. А собаку Мафи забрали к себе, она теперь каждый день радует нас очередным хулиганством.

После того как Игорь чуть не довел до инфаркта всех членов нашей семьи, я сурово заявила парню:

– Вам отказано от дома.

И очень надеялась, что более не увижу креативного дурака.

Плавное течение моих мыслей прервало появление Мафи. Собака выбежала в холл. Ее уши были опущены, хвост поджат. Обычно Мафуня при виде меня начинает прыгать, намереваясь запечатлеть на лице хозяйки самый сладкий поцелуй, но сейчас она шмыгнула под диван и затаилась. Мне стало не по себе, я посмотрела на Манюню.

– Он здесь?

Маруся кивнула.

– И она тоже. Мусик, не радуй жабу своим раздражением. Улыбнись ей так, словно видишь торт с кремовыми розами.

– Меня от крема всегда тошнит, – пробормотала я.

– Знаю, – хихикнула дочь, – но «гора теста» понятия не имеет о твоём отношении к ней, считает твою улыбку искренней. Больше всего на свете Зоя злится из-за того, что у кого-то радостно на душе. Держись!

Я кивнула и поплелась в столовую. Денек сегодня удался на славу. С другой стороны, он намного лучше того четверга, когда Дегтярева выгнали на пенсию, и понедельника, когда в наш дом приехала тетенька с дрессированной свиньей. Как-нибудь расскажу вам эту историю.

– Мафи всегда прячется, когда видит Игоря, – сказала Маруся.

– Наверное, она помнит, как он плохо с ней обращался и хотел усыпить, – вздохнула я, – боится, что прежний хозяин заявит на нее свои права.

Мы обе остановились у двери.

– Мусик! Скажи чи-и-из, – попросила Манюня, – улыбайся.

Я старательно растянула губы и вошла в столовую.

Глава 10

Увидев на пороге хозяйку дома, Зоя Игнатьевна встала, воздела вверх правую руку, а левой указала на странно тихого Игоря и торжественно объявила:

– Этот человек более не является моим родственником. Он отлучен от дома. Лишен всех благ. Отрезанный ломоть. Не желаю иметь с ним ничего общего! Все. Я его вам вернула. Делайте с сим субъектом что хотите! Он ваш!

Рухни сейчас в столовой потолок, я бы удивилась меньше. В конце концов люстра у нас уже падала, ничего нового я не увижу. Но то, что Зоя изгнала обожаемого сына, просто невероятно. Разве можно лишить небо солнца?

Указательный перст Зои переместился на Феликса, который, похоже, был ошарашен не менее меня.

– Забирай его! Не желаю более видеть сего субъекта в своем доме! И помогать тебе содержать его не проси! Денег я не дам. Сам с ним возись. С меня хватит! Все. Прощайте!

Зоя Игнатьевна вонзила в меня свой взгляд.

– Никаких ваших просьб забрать к себе эту личность я слышать не хочу! Конец истории. Молодой человек, не помню вашего имени, немедленно проводите меня к машине!

Юра, к которому обратилась Зоя, вскочил.

– Да. Пожалуйста! С удовольствием отведу вас...

Глаза Зои вспыхнули злым огнем.

– С удовольствием? С удовольствием??? Не испытываю желания доставлять вам удовольствие. Не нуждаюсь в вашей помощи!

Чеканя шаг, Зоя покинула столовую. Пару секунд мы сидели молча, первым опомнился Феликс:

– Игорь, что ты натворил?

– Честное слово, ничего, – затараторил Гарик, – вчера, как обычно, мы поужинали в ресторане. Мило посидели. Я рассказал матери о новом проекте.

– М-м-м, – простонала я, – только не это!

– Наверное, Зое надоело сыну деньги давать, – предположила Маша.

– И ее можно понять, – буркнул Сеня, – это все равно что печь топить купюрами. Бросил, сгорели. Бросил, сгорели. Лично я, услышав про очередную идею Игоря, ни за какие пряники не стал бы ему помогать.

– Так я ей подробности не сообщил, – уточнил Гарик, – еще не составил бизнес-проект, просто обозначил тему. Мы потрепались о разных знакомых, языки почесали. У Глории спросите.

Только после упоминания имени моей свекрови я поняла, что она тоже где-то здесь, завертела головой в разные стороны и увидела ее в кресле, которое стоит в углу.

Феликс повернулся к матери.

– Можешь объяснить, что произошло?

– Нет, – коротко ответила та.

– И все же расскажи, как у вас прошел вечер, – настаивал сын, – иди сюда, сядь с нами за стол.

Глория молча повиновалась и устроилась около меня.

– Игорь говорит правду. Они с мамой посидели в ресторане.

– Тебя, значит, не пригласили, – заметил Феликс.

По лицу свекрови промелькнула тень улыбки.

– Да я и не люблю семейные походы. Когда они вернулись домой, мама меня увидела и велела:

– Исчезни.

Мне стало понятно, что у нее плохое настроение. Я ушла в свою комнату. Через полчаса ее крик утих и наступила тишина.

– Что она говорила? – поинтересовалась я.

– Игоря ругала на все корки, – вздохнула Глория, – она ему раньше даже замечаний не делала. Никогда. И вдруг! Я очень удивилась, и тут мама в мою спальню влетела и велела: «Собирайся, едем». Спрашивать, куда, зачем, я побоялась. Зоя, конечно, не сахарный пончик, но она обычно грань не переходит. Однако сегодня ее прямо переклинило! Это все!

– Прорвало плотину! – вздохнул Юрец. – Встречаются такие люди, спокойные, воспитанные, всем помогают, улыбаются, семью любят. А потом ночью родственников раз, и задушили. Почему? Да надоели они! Бегали, кричали, шумели... Довели, в общем.

Маша посмотрела на мужа.

– Надеюсь, ты не о себе сейчас говоришь.

Юра засмеялся.

– Нет! Я не такой хороший, я как Дегтярев.

– Ну вот, и до меня добрались, – вскипел полковник, – привели в пример как жесткого человека, душителя.

– Просто я объяснил, что мы с тобой похожи, – стал оправдываться Юра.

– Эй, хозяйева, вы где? – закричал из прихожей хриплый бас. – Дверь открыта, эдак вас оборуют, а вы и не заметите. Хоть бы собаку завели.

Афина и Хуч, которые мирно сопели на диване, одновременно подняли головы и слаженно опустили их снова на подушки.

– В нашем случае надо волноваться не о том, что вещи сопрут, а о том, как бы воры псов не унесли, – вздохнул Феликс и встал.

– Есть где кто живой? – надрывался незнакомец, и в столовую вошел парень в синей куртке с надписью «Доставим все».

– Здравсти всем, – сказал он, – извиняйте, я орал, как мог, а вы не слышите. Вам пакет.

– От кого? – изумилась я.

– Много лет живем в Ложкине, и впервые курьер приехал, – восхитилась Маруся.

– Там есть данные отправителя, разберетесь, – деловито ответил юноша. – Парни, заноси!

Меня кольнуло беспокойство. «Парни, заноси!»! Что это за бандероль, которую надо... Додумать до конца свою мысль я не успела. В столовую спиной вдвинулась фигура, потом показалось нечто громадное, прямоугольное, следом материализовался второй грузчик.

– Вы говорили про пакет, – пропищала Нина.

– Вот он! – голосом аниматора, который третий день веселит свадьбу, объявил парень. – Ставь, ребята!

– Хозяйка, бросьте на паркет тряпку, а то поцарапаем, – попросил тот, кто стоял спиной к нашей компании.

– Вечно тебе, Леха, чужие полы жалко, – недовольно прогудел второй рабочий, – давай, плюхай. Руки у меня отваливаются.

С этими словами он опустил край ящика. Алексей же продолжал держать свою часть.

– Сейчас, сейчас, – засуетилась Нина, выбегая из кухни с пледом, – вот, ставьте. Вам, наверное, тяжело.

– Нормалек. Я ж не дедушка, – прокряхтел грузчик.

– Молодцы, – похвалил их курьер, – доставка оплачена отправителем. С вас ни копейки.

– Бандура тяжелая, аж руки из плеч выпали, – пожаловался первый носильщик.

– Паша, хватит, – поморщился Алексей.

– Ой, бедненький, – пожалела его Нина, – сейчас дам крем.

– Чего? – не понял жалобщик.

– Гель от боли в мышцах, – пояснила Нина.

Алексей кашлянул. Курьер ухмыльнулся, а второй грузчик вытаращил глаза.

– Готова спорить на что угодно, крем ему никто никогда не предлагал, – шепнула мне на ухо Манюня.

Нина сегодня выступила круче Юры. Рассказ зятя о том, как некоторым людям хочется задушить назойливых домочадцев, переместился на второе место в турнирной таблице сегодняшних семейных перлов.

– У меня на все лекарства аллергия, – нашел объяснение грузчик, – лучше деньгами, сам куплю.

Нина открыла ящик консоли, вытащила жестяную коробку, пошуршала бумажками и протянула Павлу ассигнацию.

– Вот. Берите только «Антитяж». Цена ему девяносто девять рублей, тут сто. Прекрасное средство. Дешевое, эффективное. Сама им пользуюсь. Но если подождете минут пять, я сбегаю в спальню и подарю вам упаковку. Только вчера ее в аптеке приобрела, еще не открывала.

Лицо парня стало похоже на морду медведя, которому вместо сочного куска мяса предложили листья салата, прочитав при этом лекцию об их невероятной полезности.

– Ну... э... типа... спасибо, – выдавил он из себя, – не надо. Сам куплю.

– Пошли, Паша, – велел курьер.

– Не уходите, – попросила Нина, – дам вам...

В глазах Павла загорелась надежда.

– Давайте. Ждем.

Наша домработница, она же няня, быстрой белкой метнулась в кухню и почти в то же мгновение вернулась с тремя апельсинами.

– Это вам на дорожку, мальчики. Вкусно и очень полезно!

Юра закрыл лицо руками и затрясся. Маша схватила салфетку и принялась усердно вытирать чистые губы. Дегтярев склонил голову набок и по-птичьи вертел ею. Феликс встал.

– Спасибо, молодые люди, давайте провожу вас к выходу.

Компания удалилась в холл, и вскоре я услышала радостные голоса:

– Спасибо, хозяин.

– Приятно с вами дело иметь.

– Вот наша визитка, если чего переставить, перевезти надо, мы всегда готовы.

– Апельсины, – простонала Маша, – гениально. Куплю пару кило и буду раздавать всем курьерам, которые в мою клинику заказы доставляют.

– Сто рублей, – вторил жене Юра, – крем. Нина! Потрясающе!

– Что не так? – спросила няня. – У человека плечо болит. Надо ему помочь.

– Да в порядке у него руки, – хихикнул Игорь, – трубы у мужика горят. Тут столик не поможет. И мазь ему не требуется.

– Трубы? – растерянно повторила Нина. – Он водопроводчик?

– Сантехник, – уточнил Гарик и расхохотался.

– Ничего не понимаю, объясните, что происходит, – жалобно попросила Нина, – если мастер занимается починкой...

– Он ждал чаевых, – перебил ее Сеня, – денег!

– А-а-а, – смутилась помощница по хозяйству, – но он жаловался на боль в плече!

– Интересно, что в этом ящике? – сменил тему беседы Феликс, войдя в комнату. – Экий он здоровенный.

– Открываем! – потер руки Игорь.

– Прежде чем распаковывать непонятно что от неизвестно кого, нужно прочитать информацию об отправителе, – остановил Игоря Дегтярев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.